

рии собственно психологии законотворчества, основные понятия, а также востребованные категории смежных, прежде всего гуманитарных наук.

Отмеченные и многие другие аспекты нуждаются в тщательном изучении, уточнении и расширении в рамках психологии законотворчества. Все они могут послужить ориентирами в повышении роли психологии законотворчества как интегративной теории, методологии и продуктивной законотворческой практики. Для выполнения своей миссии психология законотворчества применяет те методы, которые в совокупности составляют целостные психотехнологии.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Собр. соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; 2-е выд. Мінск, 2003.
3. Гегель, Г.-В.-Ф. Философия права / Г.-В.-Ф. Гегель. М., 1990.
4. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. М., 1956.
5. Еникеев, М.И. Юридическая психология : учеб. для вузов / М.И. Еникеев. М. : НОРМА, 2000.
6. Зорькин, В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. М. : Изд-во МГУ, 1978.
7. Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003.
8. Исаев, И.А. Из истории юридической психологии в России. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л.И. Петражицкого / И.А. Исаев // Психол. журн. 1986. № 4.
9. Ковалевский, М. Социология / М. Ковалевский. СПб., 1910.
10. Левенсон, П.Я. Беккариа и Бентам. Их жизнь и деятельность / П.Я. Левенсон. СПб., 1893.
11. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк. М., 1960.
12. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. Саратов, 1987.
13. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. 2-е изд. СПб., 1907.
14. Социальная психология / под ред. А.М. Столяренко [и др.]. М., 2001.
15. Спенсер, Г. Грехи законодателя / Г. Спенсер // Соц. исследования. 1992. № 2.
16. Сперанский, М.М. Руководство к познанию законов / М.М. Сперанский. СПб., 2002.
17. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард : пер. с фр. [Соч.] Ж. Тарда. СПб. : Ф. Павленков, 1892.
18. Тихомиров, Ю.А. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Городец, 2000.
19. Цицерон. Диалоги / Цицерон. М., 1966.

В.В. Мицкевич, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

МЫШЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Обосновывается практически значимая трактовка профессионального мышления оперативных сотрудников правоохранительных органов. Рассматривается психологическая сущность оперативного и рефлексивного мышления. Раскрывается процесс реализации психологических приемов рефлексивного мышления оперативников.

В психологическом словаре А. Ребера указывается, что «мышление, определяемое широко, это почти вся психология; определяемое узко, – оно, кажется, не имеет к ней никакого отношения» [1, с. 468]. Мышление как высшая ступень человеческого познания, процесса отражения объективной реальности позволяет получать знание о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственном уровне. Именно в данном контексте мышление в большинстве научных источников трактуется широко как познавательный процесс опосредованного и обобщенного воспроизведения существенных связей между явлениями, а узко – с позиций отраслевых научных изысканий (например, физиология изучает мозговые механизмы, с помощью которых реализуются акты мышления; кибернетики рассматривают мышление как информационный процесс, фиксируя общее и различное в работе компьютера и мыслительной деятельности человека, и т. д.).

Психология исследует мышление как феномен, реализующийся посредством фиксации и научного объяснения определенных психических фактов, механизмов и закономерностей. Мышление в данном контексте охватывает все мыслительные действия, связанные с формированием понятий, решением задач, интеллектуальным функционированием, творчеством, сложным обучением, символической обработкой информации, памятью, воображением и т. д. Немногие термины в психологии охватывают такой обширный массив коннотаций и способов употребления, что обуславливает многочисленность оснований для классификации мышления в психологии.

Так, с позиций соответствия задачам и содержанию мышления, выделяют такие его виды, как научное, техническое, музыкальное, поэтическое, художественное, политическое, юридическое и т. д. По преобладанию психических компонентов различают мышление наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое, причем в психологической науке считается доказанным, что мышление наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое – последовательные стадии развития личности, онтогенетически-имплицитно сохраняющиеся в ней [2, с. 144–145]. С профессионально значимых позиций выделяют также мышление практическое и теоретическое, продуктивное (творческое) и репродуктивное, произвольное и произвольное, логическое (аналитическое, дискурсивное) и интуитивное, дивергентное и конвергентное, реалистическое и аутистическое, связанное с уходом от действительности во внутренние переживания и др.

В юридической психологии мышление также рассматривается как многомерный и специфический феномен, исследуемый в профессионально-правовом контексте: мышление юриста в целом, следователя, прокурора, судьи, оперативного работника, сотрудника ДПС и иных субъектов юридической деятельности.

Краеугольным камнем для выявления специфики профессионального мышления сотрудников правоохранительных органов, даже из ряда «родственных» мышлений, к примеру «следственного мышления», не говоря уже о мышлении политиков, бизнесменов, военнослужащих, выступает принципиальное положение о неразрывной связи развития личности с реализуемой ею профессиональной деятельностью. Другими словами, профессиональное мышление субъектов ОРД как личностный, интегральный познавательный психический процесс всегда побуждается и обуславливается спецификой деятельности, ее целями, вызванными к жизни личностными потребностями, мотивами, убеждениями, установками, которые, в свою очередь, являются неперенными условиями развертывания мышления и решающим образом определяют его эффективность.

Особое внимание, в частности, при исследовании мышления сотрудников правоохранительных органов, работающих в сфере ОРД, обоснованно отводится оперативному мышлению как наиболее практико-ориентированному и значимому для конечных результатов профессиональной деятельности. Как подвид в большей степени практического мышления, имеющего главной целью поиск возможностей изменения реальной, предметной действительности, оперативное мышление в сфере ОРД функционально содержит в себе переработку информации, обеспечение планирования, контроля, регулирования осуществляемой профессиональной деятельности, посредством построения идеальных оперативно-информационных моделей ситуации, на основе которых формируются оперативно-розыскные задачи и пути их решения, как правило, в условиях дефицита времени [4, с. 510].

Отметим, что значимость оперативного мышления в условиях динамично изменяющегося современного общества, неуклонно возрастает во всех сферах жизнедеятельности. Например, политологи указывают на актуальность оперативного мышления в политике, экономисты – на необходимость развития инновационного оперативного мышления, военные специалисты – на значимость оперативного мышления военачальника, медики и нейрофизиологи исследуют феномен оперативного мышления как проверяемое специальными тестами врожденное качество индивида, позволяющее быстро просчитывать критическую ситуацию и вариативно на нее реагировать, а также указывают на необходимость развития у профильных специалистов «эпидемиолого-диагностического» оперативного мышления.

На первом этапе оперативного мышления, на основе осмысления (прежде всего анализа и синтеза оперативно значимой информации) выдвигаются системные версии о сущности рассматриваемой ситуации в ОРД. Затем, на втором этапе, происходит мысленное создание модели (моделей) как своеобразной «сердцевины» оперативного мышления. Его содержание, в чем мы солидарны с Е.Г. Самовичевым [5, с. 148–149], составляют процессы идеального моделирования оперативно-розыскной ситуации, выбор и применение к элементам этой модели, прежде всего к субъектам противоправной деятельности, таких действий, которые позволяют оперативному сотруднику получать или создавать предпосылки и условия для получения необходимых результатов. Психологическая же сущность такого моделирования в кратковременный период охватывает: проявления оперативной памяти, мысленный синтез и анализ воспринимаемой оперативно значимой информации, формирование психологической установки на реализацию конкретных оперативно значимых действий мысленное оперативное планирование и самоконтроль за исполнением выполняемых личностных поведенческих актов. Отметим, что творческий потенциал мышления оперативников объективно возрастает по мере тяжести и общественной опасности раскрываемых преступлений.

Примером эффективности оперативного мышления, включающего обоснование первоначального моделирования тактической ситуации, выдвижения оперативно-розыскных версий и действий по их отработке, может служить случай, описанный в рассказе К. Чапека «Похищенный доку-

мент № 139/У110ТДС». В нем описывается, как у полковника генерального штаба Гампла был похищен секретный документ, взятый им для работы домой и на ночь спрятанный в жестяную коробку из-под макарон, запертую в кладовке. Ночью, взломав окно, в кладовку проник вор и похитил жестянку с секретным документом. Срочно прибывшие по вызову Гампла сотрудники контрразведки выдвинули версию о похищении документа шпионами, выставили охрану, велели полковнику находиться дома до возможного ареста и приступили к работе. Неожиданно к Гамплу пришел агент местного полицейского участка Пиштора, который случайно в булочной узнал о краже. Осмотрев место происшествия, уточнив способ проникновения в кладовку, выяснив, что вора «вспугнули» домочадцы и тем самым помешали ему совершить «полноценную» кражу, агент Пиштора однозначно назвал «по почерку» имя вероятного вора и отправился на его задержание. Через пару часов, арестовав вора, агент Пиштора принес украденный документ полковнику Гамплу, простоудушно объяснив последнему, почему именно вор Андрлик был «вычислен» им из десятков известных ему преступников как исполнитель кражи. Действенность, простота модели нахождения вора и последующих профессиональных действий полицейского агента поразили полковника Гампла, но с учетом очевидной интеллектуальной и профессиональной ограниченности агента Пишторы были оценены невысоко [6, с. 96–102].

Отметим, что даже в этой, самой простой модели оперативного мышления агента Пишторы, наличествовало рефлексивное мышление первого ранга: «Я думаю, что ты думаешь», что позволило ему безошибочно определить местонахождение вора Андрлика, предвидеть его психическое состояние и отсутствие готовности к оказанию сопротивления на момент ареста.

В теории ОРД при рассмотрении ее профессиональной специфики неоднократно указывается не только на присущую ей конспиративность, экстремальность и т. д., но и на обязательную рефлексивность деятельности, влекущую «имитацию решений, принимаемых проверяемыми и разрабатываемыми лицами, и выработкой с этим учетом собственных оперативно-тактических решений» с последующим адресным психологическим воздействием [7, с. 127]. Данное положение вполне согласуется с психологической аксиомой, обоснованной Л.С. Выготским, о том, что любая высшая психическая функция (в том числе и мышление) всегда возникает и существует как внешняя, разделенная на двоих, реализуемая, как минимум, двумя взаимодействующими субъектами.

Таким образом, вторым наиболее значимым компонентом профессионального мышления сотрудников правоохранительных органов, работающих в сфере ОРД, выступает рефлексивное мышление (рефлексия – обращение сознания на себя, мысль о мысли. Различают три значения этого понятия: 1) философско-методологическое – осознание, осмысление наукой самое себя, своего предмета и метода; 2) индивидуально-психологическое – самопознание, самосознание человека; 3) социально-психологическое – постановка себя на место другого человека и размышление за другое лицо. Именно в третьем значении чаще всего понятие рефлексии и употребляется в юридической психологии).

Рефлексивное мышление как подвид в большей степени творческого мышления в значении «мысленной постановки оперативником себя на место другого человека и размышления за него» наряду с оперативным мышлением представляет собой как бы вторую сторону медали профессионального мышления оперативных работников. Как важнейшее профессионально-психологическое действие, обеспечивающее решение наиболее сложных в интеллектуальном отношении профессиональных задач, рефлексивное мышление оперативника по сути отличается от обычных логических рассуждений и наиболее полно представлена в формуле: «Я думаю, что он думает, что я думаю». Использование рефлексивного мышления при раскрытии и расследовании преступлений позволяет более полно строить вышеуказанную мысленную модель предполагаемого поведения каждого из участников оперативно-розыскной ситуации; осуществить планирование оперативником собственной познавательной деятельности; обоснованно оценивать и прогнозировать поведение отдельных участников ОРД; разрабатывать системы версий по раскрытию конкретных преступлений, осуществить разработку эффективной системы психологического воздействия на фигурантов, являющихся источниками получения необходимой информации, реализовывать рефлексивное управление фигурантами посредством передачи (в том числе манипулятивной) психологических оснований для изменения их личностной позиции и поведения.

Практическое использование рефлексивного мышления в деятельности оперативников предполагает умелую реализацию по меньшей мере трех основных психологических приемов.

1. *Прием выхода в рефлексивную позицию.* Суть приема – смена точки зрения на профессионально значимую ситуацию, сложившуюся у оперативника, в которой возникло затруднение с внутренней на внешнюю, посредством мысленного выхода за ее пределы с целью нахождения способа решения возникшей задачи. Это достигается посредством осознания затруднения в деятельности и фиксации ситуации, в которой оно возникло (например: «не понимаю, что же неясно?», или «каким способом

действовать дальше?»; выбора рефлексивной позиции, угла, точки зрения на рассматриваемую ситуацию («посмотреть на ситуацию глазами незаинтересованного свидетеля», «а как бы поступил здесь более опытный коллега-профессионал?» и т. д.); самоопределения и рефлексивной настройки (например, «с этой позиции, оценивая данную ситуацию, нужно учесть следующее...»). Ярким примером проявления такого рода рефлексивного мышления может служить зафиксированный в научных исследованиях факт решения известной психологической задачи:

Даны четыре точки «:», требуется провести через эти четыре точки три прямые линии, не отрывая карандаша от бумаги, так, чтобы карандаш возвратился в исходную точку.

Для интеллектуально развитых людей, которым известен принцип решения этой или подобной задачи, ее логический анализ не представляет никакой трудности. Четыре точки можно рассматривать как вершины воображаемого квадрата. Требование возвратиться карандашом в исходную точку означает необходимость начертить замкнутую фигуру. Три отрезка прямой, каждый из которых является продолжением другого и не накладывается на него, образуют треугольник. Решение заключается, следовательно, в том, чтобы описать около квадрата треугольник. Однако в опытах с очень большим числом испытуемых не наблюдалось ни одного случая такого решения. Наоборот, все без исключения испытуемые после ряда безуспешных попыток прекращали решение и признавали задачу нерешаемой. Для достижения успеха надо было «вырваться» за пределы участка плоскости, ограниченной точками, однако это никому не приходило в голову – все оставались внутри данного участка. Но достаточно было сделать подсказку типа: «Только одна точка лежит в вершине угла» – и испытуемые быстро, путем несложных умозаключений находили решение [3, с. 214–215].

Отметим, что по такому принципу могут решаться в контексте создания и отработки оперативно-тактической информационной модели профессионально значимой ситуации, многие оперативно-следственные задачи, причем необходимо делать поправку на то, что рефлексивное мышление у оперативников носит в большей степени оперативно-криминалистический, а у следователей – процессуально-криминологический характер, что обусловлено прежде всего спецификой реализуемых функционально-служебных задач.

2. *Прием рефлексивного отображения ситуации.* Прием предполагает организацию осмысления возникших трудностей посредством рефлексивных рассуждений и их схематизации. Рефлексивные рассуждения – это рассуждения с четкой фиксацией позиции, с которой они производятся («Если бы я был на месте преступника, то я бы...»). Такие рассуждения при осмыслении ситуации обычно не просто удерживать в сознании. В соответствии с общеизвестными положениями о том, что «создание моделей – это освобождение системы от лишней информации» и: «что-либо обозначая, мы исходим из того, что смысл понят, что он уже налицо» – происходит построение схемы оперативно-розыскной ситуационной задачи, komponующей с научных, в том числе психологических позиций ее основные элементы. Использование нескольких схем, подготовленных с разных позиций, позволяет глубже осмыслить самую сложную оперативную ситуационную задачу в ОРД, определить целесообразность использования тех или иных оперативно-розыскных мероприятий и разобраться в причинах возникших затруднений.

3. *Прием рефлексивного обоснования деятельности.* Его суть заключается в трансформации рефлексивной картины ситуационной задачи в основание для осуществления эффективной деятельности. Чтобы картина ситуации могла быть принята в качестве основания для принятия решения и осуществления конкретных оперативно-розыскных мероприятий, она должна стать приемлемой, нормальной для оперативника, принимающего решение с учетом соответствующих правовых и этических норм, сценария поведения участников ОРД. При этом от оперативника требуется определить исходя из специфики ситуации взаимодействия ранг достаточного рефлексивного мышления, произвести оценку своего личностного потенциала и оценить возможность рефлексивного управления объектами ОРД на основе их обязательного психологического портретирования и выявления личностных «психологических слабостей». Содержанием и целью рефлексивного управления при этом выступает передача оснований для изменения личностных и поведенческих позиций объектов психологического воздействия посредством планируемых и реализуемых оперативно-розыскных мероприятий, предполагающих достижение приемлемого для оперативника результата.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем констатировать:

профессиональное мышление оперативников представляет собой личностный, рефлексивно-диалогический, интегральный познавательный психический процесс, детерминированный содержанием, задачами и спецификой оперативно-розыскной деятельности. Его суть заключается в познании оперативниками объект-субъектных связей и отношений участников оперативно-розыскной деятель-

ности, решении соответствующих профессионально обусловленных задач в целях эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий и рефлексивного управления субъектами ОРД;

профессиональное мышление субъектов ОРД в большинстве разворачивается как процесс решения профессиональных мыслительных задач на основании синтеза и анализа оперативно значимой информации, выдвижения версий и влечет, в свою очередь, мысленное создание оперативно-информационных моделей складывающихся тактических ситуаций с учетом взаимоотношений их участников. Содержание таких моделей всегда обусловлено уникальными деятельностно-специфическими условиями ОРД, опытом оперативника и требованиями, предъявляемыми законодателем к объему и содержанию оперативно-розыскных мероприятий;

«сердцевиной» профессионального мышления оперативных сотрудников правоохранительных органов в диапазоне проявления практического, творческого, интуитивного и других видов мышления, основой и критерием их профессиональной квалификации выступают оперативное и рефлексивное мышление, решающим образом влияющее на эффективность и результативность профессиональной деятельности в целом;

эффективность профессионального мышления оперативников всегда прямо пропорциональна развитию их личностной потребностно-мотивационной сферы как основы индивидуальной направленности (профессионально обусловленным установкам, мировоззрению, мотивации и мотивировкам деятельности, чувствам и желаниям, целям, достигаемым в процессе оперативно-розыскной деятельности) и уровню профессионализма.

Библиографические ссылки

1. Большой толковый психологический словарь / А. Ребер ; пер. с англ. М. : Вече : АСТ, 2000.
2. Краткий психологический словарь. Минск : Хэлтон, 1998.
3. Пономарев, Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев. М. : Наука, 1976.
4. Прикладная юридическая психология. М. : ЮНИТИ ДАНА, 2001.
5. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2006.
6. Чапек, К. Избранное : Рассказы. Очерки. Афоризмы / К. Чапек. Минск : Изд-во БГУ, 1982.
7. Энциклопедия юридической психологии. М. : Закон и право, 2003.

А.Н. Пастушениа, заведующий кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор психологических наук, профессор

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Излагаются теоретико-методологические основания психологического объяснения преступного поведения. Дается определение психологического механизма такого поведения, который раскрывает структурно-функциональный аспект системы его внутренних и внешних факторов. В качестве основы системы рассматривается психическая деятельность субъекта, включающая такие элементы, как социальное восприятие, мотивообразование, целеполагание, исполнительная регуляция. Обосновывается, что центральным звеном психической деятельности является целеполагание – принятие криминальной цели и способа. Анализируется влияние на психическую регуляцию преступного поведения внешних условий, функционального и фонового психического состояния субъекта и его актуальной социальной роли.

Современное уголовное законодательство, регулируя применение мер уголовной ответственности, основывается на оценке вины субъекта преступления, определяемой как психическое отношение лица к совершаемому деянию. Используется также ряд понятий, выражающих различные характеристики психологической стороны деяния: «субъективная сторона преступления», «умысел» и «неосторожность», «мотив» и «цель», «состояние аффекта», «уменьшенная вменяемость», «ошибка в наличии обстоятельств» (по сути, речь идет об ошибке в оценке обстоятельств), «личность виновного» и др. Эти понятия выражают различные составляющие психической деятельности субъекта, подготавливающей поведение во внутреннем плане и регулирующей его осуществление. Их познание позволяет более полно понять внутренние и внешние факторы преступления, более точно воспроизвести процесс его совершения, установить характер и степень вины субъекта.

Психологическое объяснение социального поведения и, в частности, противоправных деяний, основывается на ряде методологических принципов психологии: детерминизма, системности, единства сознания и деятельности, личностного и деятельностного подходов и др. Опираясь на принцип *детерминизма* (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов), психологическое объяснение преступного поведения должно учитывать взаимодействие внутренних (психических) и внешних (соци-